

Не числом, а умением

(Окончание. Начало на 7—9-й стр.)

Василий Шабанов: «Омолождение института за счет сокращения кадров преклонного возраста было бы в науке большой ошибкой. Знания и опыт ветеранов очень нужны, прежде всего самой молодежи».

— Многие из работ, — сказал Василий Филиппович, — которые были названы в беседе с вами, вышли из исследований, связанных с так называемыми фотонными кристаллами. Их еще называют сверхрешетками. У них иная структура, позволяющая хорошо управлять фотонами. Пока что вся электроника практически «посажена» на умение хорошо управлять электронами. Но электрон имеет массу, заряд и спин. А у фотона массы покоя нет, заряда тоже нет, а скорость самая большая. Он как бы и примитивен, и совершенен. И если им научиться управлять так же, как и электроном, то тогда самые совершенные устройства будут именно фотонными. Во всяком случае, по скорости. Для фотона все материалы — сверхпроводники, у него нет границ. А скорость — предельная. И вся трудность — научиться фотонами управлять. И когда нашли вещества, которые могут управлять фотоном, как полупроводниковыми веществами и электронами, то и появились на свет фотонные кристаллы. Хотя на самом деле это никакие не кристаллы, а всего лишь напыление на поверхность материала. Хотя может быть и кристалл. В природе есть такие. Это опалы. Весьма перспективные материалы. Наука, научившись управлять фотонами, сделала в своем развитии новый шаг.

Фильтры — тому пример. Фотоны позволяют перейти в СВЧ-диапазон, где открылись новые горизонты, а теорию перевести в оптику. Теперь появилась возможность очень многое делать миниатюрнее и дешевле. В этом продвижении большая заслуга принадлежит у нас СКТБ Красноярского научного центра.

— Прежде всего, наверное, научной молодежи?

— Вклад молодежи значителен. Хотя бы потому, что все время мы занимаемся омоложением институтов. Например, институту физики уже пятьдесят лет. Нельзя забывать, что всего несколько лет назад мы многих потеряли, когда наука находилась в кризисе...

— ...а молодежь уехала искать работу за границу.

— Это еще можно было пережить, — заметил Василий Филиппович. — Да мы и не потеряли, по сути, тех, кто от нас уехал, но остался работать в науке за рубежом. Мы с ними продолжаем сотрудничать и поддерживать связи, публикуем совместные работы. Такая эмиграция даже значительную пользу нам приносит. Она проявляется в контрактах, грантах, в материалах, иностранных журналах, в международном сотрудничестве и т. д.

Безвозвратно потеряны для науки те талантливые молодые люди, которые остались в России, но ушли в бизнес, банки, в торговлю, в самого разного пошиба компании. Вот их уже не вернуть. С ними связь потеряна. Жаль, что многие из них не попали, к сожалению, в наукоемкий бизнес.

— Вы омолаживали институт за счет сокращения кадров преклонного возраста?

— Ниоим образом. Я считаю, что это было бы в науке большой ошибкой. Знания и опыт ветеранов очень нужны, прежде всего самой молодежи. Наши доктора наук попросту пестуют начинающих работать сотрудников, заботятся о них, как отцы о детях. Мы поступили по-другому — организовали специальный фонд, на который может претендовать только молодежь. А трудовой режим для ветеранов несколько ослабили. Пусть они работают половину дня, но польза

от них, скажу так, все равно на полный рабочий день. Хотя бы потому, что эти люди без науки жизнь свою не представляют. Все перемены провели при полном согласии коллектива. Перед молодежью открыли возможности для ее развития. Мы сказали: аспирантам гарантируем полставки, заявки молодых сотрудников постараемся удовлетворить. В том числе и на жилье, а это для молодых самое главное. В каждом доме, который мы строим, квартир по сорок выделяется молодым. При поддержке президиума СО РАН и самих институтов. Больше того, мы с нашими подрядчиками держим вполне приемлемую по нынешним временам цену на жилье. Она намного меньше рыночной. Проработав пять-шесть лет, молодой сотрудник вполне реально приобретает у нас квартиру. Молодежь все это видит и ценит.

— А продать приобретенную квартиру молодой сотрудник может или это уже собственность научного центра?

— Нет, это его собственность и продать он ее может. Как показала практика, почти никто, приобретя у нас квартиру, ее уже не продает. Тем более что всегда есть возможность ее расширить. В сущности, все, что сейчас говорится об ипотеке, о национальном проекте по строительству жилья, в СО РАН уже отработано. Но власть почему-то пытается сложившуюся систему разрушить. Сейчас научным учреждениям запретили быть заказчиками по строительству жилья. Это же бред. Палочку-выручалочку для сохранения кадров выбивают из наших рук. Сейчас нам палки в колеса ставит казначейство. Научные сотрудники вносят деньги за жилье уже в строящемся доме, а нам говорят, что мы не имеем на это права. Хотя у нас есть отдел капитального строительства.

— Либо чиновники не понимают, что творят. Либо «творят» осознанно. Как вы считаете, Василий Филиппович?

— Но эти проблемы лежат на поверхности. Все плюсы и минусы очевидны. Нелепость какая-то... То же самое относится и к хозяйственным договорам. Они запрещаются всем государственным учреждениям: вузам, академическим институтам и т. д. А ведь мы так много делаем для науки за счет собственных средств, честно их зарабатывая. У меня такое впечатление, что власть часто выпускает сырые постановления, непродуманные, не комплексные, не видя перспективы и последствия. При этом слова произносятся правильные, а решения похожи на какие-то полупродукты.

Скажу и о решении повысить в два раза, а то и более зарплату в Академии наук. Ну кто против этого будет возражать?! Все согласны. Повышенные зарплаты идет от ставок, которые по статистике. Но в статистике нет «полставочни-

ков», она их не учитывает. В ней только «полставочники». Но у нас половину ставки получают аспиранты, например. Их в учет не берут. Как же их стимулировать и сохранять? И при этом требуют, чтобы ни в коем случае ничего не доплачивали молодежи. Кроме того, в институтах активно работают и студенты пятого и шестого курсов, магистры. По крайней мере, по полгода, пока пишут диплом. Мы им тоже поменьше доплачиваем, надеясь, что и они когда-то придут к нам. Известно же, что ни на аспирантские, ни на студенческие стипендии прожить в наше время практически невозможно. А подзаработать, стимулировать молодежь — возможно. Но и этого не разрешают.

Предполагается повысить зарплату ученым хотя бы вдвое только по списочному составу после сокращения тех ставок, которые использовались для поддержки тех же аспирантов. С «обещанием», что и на следующий год надо сокращать кадры. Стариков, конечно, прежде всего.

Естественно, институты будут выкручиваться, искать другие способы защиты и сохранения своих ученых. Но зачем их обрезать на это?! Почему не принять законы и постановления, способствующие

развитию, а не торможению науки?!

Далее. Мы должны провести аттестацию всех сотрудников. Она проводится на пять лет. Но следующий год будет опять аттестация, и опять надо сокращать. Но как сокращать, если ученый уже на пять лет аттестован?! Словом, власть нередко решает так, чтобы администрация институтов, по крайней мере, не могли спокойно работать. Многие нынешние новации власти по отношению к науке кажутся алогичными. Хотя нельзя не признать, что аспирантские, ни на академической науке в последние годы улучшается. Да и оснащение ее тоже. Но главное, что позволяет нам с оптимизмом смотреть в будущее, — это прежде всего вот что: мы привыкли работать малыми силами и сохранили научные школы. Мы можем сотрудничать с другими и с нами хотят сотрудничать. В этом наша стойкость. Сибирская наука сохранила высокий уровень исследований. Поэтому для нас самое важное — сохранить традиции и сберечь научные школы. Разрушим их — потом не воссоздадим. А если воссоздадим, то затрат потребуется в тысячи раз больше.

Ролен НОТМАН.
Фото Александра ДАНИЛОВА
и автора.

О масштабе личности Леонида Киренского говорят только его дела, но и даже, как ни странно, могила Леонида Васильевича. Он похоронен в чистом поле и около леса, прямо напротив института.